

Придётся ехать на муле

На следующий день Чу Цы вновь велел Чжан Вэньхаю взяться за «Лунь Юй». Положив на стол вчерашние листки с исправленными ответами, он сам устроился поодаль, углубившись в свои записи.

Ученик больше не смел отвлекаться. Он впивался в строки канона со всем возможным усердием: сначала медленно прочитывал фразу, затем повторял её вслух и лишь потом заучивал наизусть. Юноша стремился к тому, чтобы, закрыв глаза, он мог отчетливо, иероглиф за иероглифом, увидеть текст в своем сознании.

Примерно через две четверти часа Чу Цы прервал его занятия.

— Вот задачи на сегодня. Приступайте. Срок прежний — полчаса, — он протянул ученику свежие листы.

— Слушаюсь, брат Чу, — Чжан Вэньхай почтительно принял задание.

На этот раз он не стал сразу брать за кисть. Помня вчерашний урок, парень сначала внимательно просмотрел весь листок от начала до конца. Составив в уме план действий, он обвел кружками номера самых каверзных вопросов и принялся быстро записывать ответы на те, что полегче.

— Брат Чу, я закончил, — с нескрываемым торжеством объявил он, откладывая кисть.

В этот раз ученик в точности следовал советам наставника: не тратил время на пустые раздумья над сложными местами, благодаря чему его скорость возросла почти вдвое.

— О? Так быстро? — Чу Цы, погруженный в изучение «Мэн-цзы», как раз сравнивал свой перевод с комментариями, выискивая неточности. Услышав голос Чжан Вэньхая, он на мгновение замер, словно пробудившись от сна.

— Прошу вас, проверьте, — юноша сам поднес листы и замер рядом, ожидая вердикта.

Чу Цы вскинул брови.

«А юноша-то полон уверенности!»

Взяв кисть с киноварью, он принялся за проверку.

Видя, как под рукой мастера один за другим появляются красные знаки одобрения, Чжан Вэньхай сиял от счастья. Глядя на лежащий на столе том «Мэн-цзы», он уже мечтал о том, что завтра, верно, они приступят к новому канону.

Однако, закончив правку, Чу Цы не поспешил выставлять общий балл. Вместо этого он указал кончиком кисти на пустую строку.

— Почему здесь ничего не написано?

— Эта цитата ведь не из «Лунь Юй», — охотно пояснил ученик. — Я решил, что брат Чу решил испытать меня на знание других книг, а поскольку этого мы еще не проходили, я просто пропустил вопрос.

В задании значилось: «Истинно почтителен и способен на уступки...», а далее следовали две пустые черты. Нужно было дописать окончание фразы. Чжан Вэньхай, едва взглянув на неё и поняв, что в «Лунь Юй» такого нет, сразу же отложил задачу в сторону.

— Не умеете? — наставник снова вскинул бровь. — Ну-ка, процитируйте мне главу «Канон Яо» из «Шан шу».

«Шан шу», известная также как «Книга истории», входила в обязательный список канонов для любого соискателя степени сюэя. Парень на мгновение задумался и уверенно начал:

— В древности жил император Яо, наделенный проницательностью и мудростью, добродетель его озаряла Поднебесную... Истинно почтителен и способен на уступки... — голос его дрогнул и стал тише, улыбка сползла с лица. — ...Свет озарил четыре предела и достиг Неба и Земли.

Он уставился на пустую строку в экзаменационном листе, и та вдруг показалась ему невыносимо позорной.

— Сначала заполните все пропуски, а потом подходите снова, — сухо бросил Чу Цы.

— Слушаюсь... — Чжан Вэньхай поник.

Вернувшись на место, он заставил себя сосредоточиться и медленно, одну за другой, вписал пропущенные фразы.

— Брат Чу, теперь всё готово.

На этот раз наставник даже не взглянул на бумагу. Он посмотрел прямо в глаза ученику.

— Говорите. Что вы поняли на этот раз?

На лице Чжан Вэньхая отразилось глубокое раскаяние.

— Я... я слишком много на себя взял. Я решил, что вы будете испытывать меня тем же способом, что и вчера, и, не задумываясь, отбросил всё, что показалось мне незнакомым. А после... я так обрадовался сэкономленному времени, что даже не удосужился перепроверить свои выводы. Это было крайне самонадеянно.

Чу Цы удовлетворенно кивнул:

— То, что вы извлекли урок, радует меня. Помните: в науке важна строгость. Никогда не полагайтесь на пустую изворотливость.

— Вы совершенно правы! — искренне воскликнул парень. Неистощимые приемы собеседника заставляли его верить, что на этот раз уездный экзамен точно будет ему по плечу.

Следующие десять дней Чжан Вэньхай провел, не выпуская из рук заданий типа тецзин. Чу Цы заставил его разобрать все ключевые фразы из основных канонов. К концу обучения вопросы стали представлять собой запутанную смесь из разных книг, но ученик, к своему удивлению, щелкал их как орехи, отвечая быстро и точно.

Видя такие успехи сына, господин и госпожа Чжан не знали, как и благодарить учителя. Они не только следили за тем, чтобы обеды были изысканными, но и трижды в день присылали в кабинет свежайшие лакомства из кондитерской «Медовый аромат».

Чу Цы, ощупав мягкий белый жирок, появившийся на животе, внезапно почувствовал смутную тревогу.

«Если так пойдет и дальше, — подумал он, — придется распрощаться с образом утонченного и изящного книжника. Превращусь в пухлого добряка с лоснящимися щеками»

Поэтому на рассвете следующего дня юноша поднялся раньше обычного. Одевшись полегче, он немного размялся в комнате, а затем вышел на открытую площадку, чтобы выполнить комплекс Уциньси — «Игры пяти зверей».

В жилом комплексе, где Чу Цы обитал в своей прошлой жизни, жило много стариков. Среди них был один старый лекарь, который мастерски владел этим искусством, и многие соседи учились у него.

Он всегда считал, что его дед и отец — классические примеры людей со слабым здоровьем, вечно пропадающих за книгами. Опасаясь за них, юноша, отбросив стыд, втиснулся в ряды седовласых старцев и полностью освоил весь комплекс движений.

К сожалению, дед и отец были слишком заняты, и он так и не успел обучить их всему до конца...

Чу Цы закончил упражнения, когда его тело уже покрылось испариной. Немного посидев в тишине, он переоделся в чистое.

— Брат Чу, слышал, вы сегодня на рассвете упражнялись в саду. Не могли бы вы и меня научить? — Чжан Вэньхай теперь смотрел на своего наставника сквозь розовые очки: всё, что делал Чу Цы, казалось ему достойным подражания.

Особенно после того, как слуги разнесли слух, будто Сюцай Чу в своих движениях был силен, как тигр, и ловок, как олень. Парень окончательно уверился, что его друг — мастер и в науках, и в боевых искусствах.

— Вас? — Чу Цы долго рассматривал щуплую фигуру ученика, в которой не было ни капли лишнего веса. И этот человек еще порывался тренироваться? Видимо, стремление к совершенству не чуждо и мужчинам этого мира.

— Вернусь из дома — тогда и обсудим. Завтра у моей матушки день рождения. Хоть дата и не круглая, долг сына — быть рядом и засвидетельствовать почтение. Поэтому я пришел просить у вас отпуска на три дня, — сообщил он.

— Зачем такие формальности? Делайте, как считаете нужным. Раз у вашей матушки праздник, мне неловко навязываться и ехать с вами, но, когда будете уезжать, не забудьте взять подарок для неё — это лишь малый знак моего уважения, — Чжан Вэньхай очень хотел бы втереться в доверие к семье Чу, но понимал, что те хотят отпраздновать в узком кругу.

— Благодарю за доброту, но путь неблизкий, боюсь, мне будет тяжело нести дары. Давайте не будем усложнять, — попытался вежливо отказаться Чу Цы. Зная щедрость ученика, он понимал: «малым знаком» дело не ограничится. А как ему, хрупкому книжнику, тащить всё это на себе?

Собеседник же решил, что гость просто скромничает.

— Неужели я позволю брату Чу идти пешком с поклажей? У ворот вас будет ждать повозка, так что не беспокойтесь.

Чу Цы вспомнил тот ужас, который он испытал в карете несколько месяцев назад. Лицо его побледнело, а к горлу подступила тошнота.

— Может, всё же не стоит...

— Ну что вы, брат Чу, не отказывайтесь! Разве между нами уместна такая напускная

вежливость?

Юноша лишь горько усмехнулся. Дело было вовсе не в вежливости.

— Брат Чжан, а нет ли у вас в хозяйстве воловья повозка? — раз уж поездки не избежать, лучше выбрать что-то помедленнее. По крайней мере, на кочках будет меньше трясти.

Чжан Вэньхай растерялся. Их угодья находились далеко от городка, откуда в поместье взяться волам? Когда же он понял, в чем причина опасений Чу Цы, он не сдержался и громко расхохотался. Он-то думал, что этот человек всемогущ, а тот, оказывается, до смерти боится ездить в экипажах!

— Не волнуйтесь, брат Чу. Я сейчас же пошлю слуг на рынок, пусть купят доброго вола.

Наставник едва успел его остановить. Чжан Вэньхаю-то всё равно, а ему потом вовек не расплатиться за такие милости.

Сяо Чэн-цзы, наблюдая за их спором, робко подал голос:

— Молодой господин, господин Чу... Волос у нас нет, но в конюшне стоит мул. Быть может, он подойдет?

Это был крупный мул, плод любви осла и кобылицы. К слову, из-за его появления старый господин Чжан долго пребывал в ярости — та кобыла была его любимицей, и он считал, что его лучшую лошадь нагло осквернили. Всякий раз, заходя на задний двор и видя этого мула, он не скупился на ругательства.

— Идет. Пусть будет мул. Он быстрее вола, но спокойнее лошади. Не стоит ради меня тратиться на покупку скотины, — с облегчением выдохнул Чу Цы.

Ученик тоже остался доволен. Главное — отправить наставника домой с почетом, а на воле он поедет или на муле — дело десятое.

Поднявшись в повозку, Чу Цы обнаружил, что та доверху забита свертками. Оказалось, матушка Чжан, узнав о празднике, тоже приготовила свои подношения.

«Что ж, — решил он, — придется в ближайшие месяцы взяться за Чжан Вэньхая всерьез. Помогу ему стать сюэем — вот и будет лучший ответ на их доброту»

Видя, что подарков в избытке и провизии хватит надолго, Чу Цы решил не тратить время на закупку снеди. Он велел вознице свернуть к лавке «Ханьмо». Нужно было забрать заработанные деньги и купить матушке какое-нибудь изящное украшение.

Лавочник Лу был на месте. Увидев гостя, он самолично выбежал его встречать, рассыпаясь в любезностях.

«Чрезмерная учтивость — верный знак того, что от тебя чего-то хотят, — подумал Чу Цы. — Видимо, у него ко мне серьезное дело»

После недолгих обменов любезностями и светских расспросов хозяин лавки наконец перешел к сути:

— Сючай Чу, ваш заказ готов. Я велел вырезать печати в двух видах: квадратную и круглую. Квадратную оставьте себе для личных нужд, а круглую мы будем ставить на иллюстрации в книгах. Что скажете?

— Весьма разумно. Пусть будет так, — ответил юноша, гадая: неужели ради этого стоило так суетиться?

Передав печати, лавочник Лу замялся, а затем продолжил:

— Ху-цзы передал мне ваш ответ. Я, как вы и просили, вежливо отказал тому господину. Однако...

— Если у вас возникли затруднения, почтенный Лу, не таите их.

— Видите ли, тот человек оказался не прост. Он вошел в доверие к управляющему из уездной типографии и через него добился встречи со мной. Он передал, что, раз вы желаете сохранить тайну, он не будет настаивать на личной встрече. Но он слезно умоляет вас написать для него одну картину, — старик выглядел так, будто ему было неловко произносить эти слова. Он знал о гордости ученых мужей и сам не одобрял подобной навязчивости.

Лицо Чу Цы слегка похолодело. Уездная типография была сердцем книжного дела, а её управляющий — фигурой, от которой зависело благополучие таких лавочников, как Лу. По сути, это была завуалированная попытка надавить на него.

Но хозяин лавки не был виноват. В самые тяжелые дни именно его помощь позволила семье Чу выкарабкаться из нужды.

Заметив, как тучи на лице юноши рассеялись, Лу облегченно вздохнул. Он твердо решил для себя, что выторгует для Сючая Чу самую высокую цену.

— И что же этот господин желает видеть на полотне?

— Вышивальщицу из вашего «Сказания». Но просит написать её в полный рост. Глаза велел

сделать чуть круглее, стан — повыше, да еще просил добавить две ямочки на щеках. В остальном же — пусть будет такой, как на ваших рисунках.

Чу Цы невольно рассмеялся. Похоже, ему попался истинный фанат, одержимый образом вымышленной девы. Это напомнило ему затворников-отаку из будущего, собиравших фигурки своих «богинь». Никакой разницы, что в древности, что в веках грядущих.

— Хорошо. Через пять дней я пришлю готовую работу.

Лавочник Лу просиял. Он выплатил Чу Цы его долю за этот месяц — три ляна и два цянтя серебра, а затем велел собрать всё необходимое для живописи и погрузить в повозку.

Увидев гору подарков, старик любопытствовал и, узнав о дне рождения матушки Чу, тоже не захотел оставаться в стороне. Поскольку под рукой ничего подходящего не оказалось, он завернул в красную бумагу пять лянов серебра и, не слушая возражений, буквально всучил их юноше.

Чу Цы только вздохнул — именно таких неловких ситуаций он и старался избегать, скрывая правду.

Однако Лу смотрел на него так, будто готов был обидеться навеки, если тот не примет дар. Пришлось сдаться и рассыпаться в благодарностях.

Теперь в его кошельке было больше десяти лянов серебра. Уж на эти деньги он точно сможет купить матушке достойное украшение.

<http://bllate.org/book/15354/1417419>